

Книжное обозрение

Proctor R. The Nazi War on Cancer.
Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. — 380 p.

Книга профессора Пенсильванского университета Р. Проктора продолжает его исследования о медицине в нацистской Германии, начатые в ранее опубликованных трудах «Racial Hygiene: Medicine under the Nazis» (1988) и «Cancer Wars: How Politics Shapes. What We KNOW and DON'T KNOW ABOUT CANCER» (1995). Она не только существенно дополняет прежние работы автора и многочисленные публикации на эту тему, но и высвечивает принципиально новые аспекты в проблеме «медицина и врачи при Гитлере».

Прежде всего следует отметить, что «канцер» (рак) принят автором как символ культуры, обозначение некой болезни тела или общества, не поддающейся терапевтическому лечению. Данные медицинской статистики того периода свидетельствовали о возрастании числа раковых заболеваний, и фашисты использовали раковую опухоль в качестве символа болезни цивилизации. В их сочинениях и речах евреи ассоциировались с некой злокачественной опухолью в обществе, а обычная раковая опухоль — с евреями. В то же время нацистские медики установили, что в наиболее простых случаях рак вызывается наследственными факторами, а чаще всего является результатом неблагоприятного воздействия внешней среды: некоторых химических веществ (дегтя, никотина, синтетических волокон), радиации и т. д. В Германии впервые была доказана тесная связь возникновения рака легких с курением, отмечена повышенная заболеваемость раком у рабочих шахт и урановых рудников.

Поэтому в борьбе с раком нацисты полагались не только на расово-гигиенические, но и на санитарно-профилактические мероприятия. Популярность фашистов в значительной степени объяснялась тем, что миллионы немцев видели в наци-

онал-социалистической партии «Великого Хирурга», способного излечить общество от злокачественных опухолей и возродить здоровье нации. И они во многом стремились оправдать эти надежды, в том числе путем принятия радикальных мер в области здравоохранения. Эти меры должны были обеспечить процветание здоровых и счастливых немцев, единых в расовом и мировоззренческом отношении. Среди них не должно было быть людей, страдающих от раковых заболеваний, что часто встречалось в Веймарской республике.

В этой книге Р. Проктор не касается традиционных вопросов о медицинских экспериментах над людьми, зверских убийствах больных, «расово-неполноценных» и заключенных, активного участия врачей в разработке рекомендаций по евгеническому и расово-гигиеническому мероприятиям. Он сосредотачивает внимание на казалось бы прогрессивных и гуманных исследованиях, призванных обеспечить здоровье немцев и важных для здравоохранения. Однако, как показывает книга, и варварская эвтаназия, и «гуманные мероприятия» по поддержанию общественной гигиены и профилактике тяжелых раковых заболеваний базировались на одной и той же идеологической основе: заботе о долговременном выживании и процветании народа (Volk), а не отдельных людей. Медицинское благополучие последних в лучшем случае рассматривалось как предпосылка для здоровья нации. Если же индивид якобы угрожал генофонду нации, то подлежал немедленной стерилизации или уничтожению.

Несмотря на все совершенные ею злодеяния, нацистская медицина не просто была «нормальной наукой», но доктора и деятели здравоохранения активно действовали в тех направлениях, которые с по-

зиций сегодняшнего дня могут быть однозначно оценены как «прогрессивные» и даже «социально ответственные». Нацистские гастроэнтерологи подчеркивали важность употребления продуктов без красителей и консервантов, полезность хлеба из цельного зерна, пищи, богатой витаминами и волокнами. Многие ведущие деятели национал-социалистической партии, включая Гитлера, были вегетарианцами, активно участвовали в природоохранном движении, выступали в защиту диких животных, за сохранение биологического разнообразия, считая его необходимым условием нормального существования нации. Они вели масштабную антитабачную и антиалкогольную кампании, провозглашали и пытались реализовать программу обуздания раковых заболеваний, говорили о необходимости обеспечения немцев качественной полноценной пищей, беспокоились о чрезмерном использовании в качестве лекарств химических препаратов, пропагандировали гомеопатические средства (Гесс, Гиммлер). Кроме того, врачи и социальные гигиенисты боролись против неблагоприятных условий работы, за безопасность труда. Исключение делалось для расово чуждых или неполноценных, которых и следовало, по их рекомендациям, использовать на вредных производствах.

Проктор подробно исследует, как проводились эти мероприятия в нацистской Германии и какова была их эффективность. Вместе с тем он пытается ответить на вопрос: «Насколько эта полезная работа стимулировалась идеями нацистов?». Поиск ответа приводит автора к постановке еще более глобальных проблем: «Что это за наука, которая процветала при нацистах?», «Что это за фашисты, которые поддерживали передовую науку?» и наконец: «Может ли добро исходить из зла?». В конечном счете автор приходит к выводу, что представление о фашизме как некоей тоталитарной идеологии, пронизывавшей все сферы интеллектуальной жизни, не совсем точно. Столь же не точны и представления о сохранении науки при фашизме в качестве доказательства неукротимого духа интеллекта, его независимости от идеологического диктата. Наука, выступая как мощная производительная сила в обла-

сти промышленности и сельского хозяйства, гарант военного могущества государства и здоровья людей, глубоко безразлична к господствующим идеологемам. Однако неоправдан и вывод о ее нейтральности. «Хорошая» наука Третьего рейха — не доказательство «героической невинности» ученых, как заявляли большинство из них в период денацификации, а свидетельство их «безответственной чистоты» в вопросах, от которых в конечном счете зависит место науки в обществе и ее будущее.

На многочисленных примерах автор показывает, как деятели здравоохранения, сотрудничая с фашистами в санитарно-гигиенических и профилактических мероприятиях, забывали элементарные моральные нормы. Благородная забота о здоровье нации оборачивалась грубым попранием интересов отдельной личности. Так, меры, предпринимаемые для защиты женщин от рака и снижения вероятности репродуктивного риска, нередко вели к бесцеремонному вторжению в самые интимные сферы частной жизни. При этом мероприятия в области здравоохранения неизменно носили идеологизированный характер. Например, диета Гитлера пропагандировалась для всеобщего подражания. В условиях военного времени и нехватки продуктов питания объектами идеологических кампаний становились кофе, чай, алкоголь. Активно обсуждался вопрос о мясе, сахаре и других дефицитных продуктах, якобы способствующих возникновению раковых заболеваний.

Особенно яростная кампания велась против табака. При этом одним из основных аргументов было то, что все главные нацисты — Гитлер, Муссолини, Франк — некурящие, в то время как Сталин, Черчилль и Рузвельт курят. Гитлер был неприимирим к курению, уверяя, что табак — это дух краснокожего, преследующий белокожих и мстящий им, и что нацизм никогда не укоренится в Германии, если ее жители не перестанут курить. Табак клеймился как эпидемия, чума, пьянство, «враг мира», «враг народа». Злоупотребление табаком именовалось «болезнью цивилизации» и «пережитком либерализма».

Нацистская война против табака велась в полном согласии с медиками, кото-

рые считали табак ответственным за рак легких, бесплодие женщин, импотенцию мужчин, интеллектуальную дегенерацию и т. д. Табаку противостояли расовые гигиенисты, которые указывали на его разрушающее воздействие на геном человека, промышленные гигиенисты, описывавшие снижение работоспособности, акушеры, рассказывавшие о врожденных уродствах у детей. Немаловажное значение для энтузиазма врачей имело то обстоятельство, что активное участие в антитабачной кампании обеспечивало при нацистах быструю карьеру. Здесь наука не только не подавлялась властью, а напротив, господствовавшая идеология использовалась врачами для достижения своих целей. Проктор считает антитабачную кампанию классическим примером того, как «хорошая наука» может проводиться с позиций «антидемократических идеалов».

Во время войны медики не раз пытались представить борьбу с раком как военные исследования, поскольку это привело бы к увеличению их финансирования, а также освобождению ученых от отправки на фронт.

Большой интерес представляют разделы книги, где анализируются изменения в научном языке медиков и биологов, произошедшие под влиянием нацистской идеологии. Медикам было предложено германизировать их профессиональный язык, сделал его простым и понятным. Так, «аллели» превратились в «наследственных партнеров», «хромосомы» — в «ядерные нити», «гибриды» — в «помеси». Язык медиков насыщался метафорами «расовой борьбы». Нарождающуюся опухоль отныне называли новой расой клеток, терапию рака — «уничтожением патологической расы». Раковые клетки всегда описывались как «нахлебники» или как «анархисты», «большевики» — «носители хаоса и бунта» и «революционные клетки», создающие «государство в государстве» и т. д. Так медицинский язык насыщался политической идеологией.

Медики, вовлеченные в политические игры нацистов, говорили о «радикальном» и «окончательном решении» проблем здравоохранения, особенно в первые годы войны, когда радикальная транс-

формация не только Германии, но и всей Европы казалась реальной. Среди первоочередных вопросов фигурировали так называемые проблемы «здорового хлеба», курения, извечный «женский вопрос». В качестве мер предлагалось медицинское просвещение населения, носившее скорее характер крикливой пропагандистской кампании. Тем не менее врачи именовались «просветителями», так как постоянно просвещали немцев, как сохранить здоровье нации. Книжки по медицине, не согласующиеся с нацистской идеологией, подлежали уничтожению.

Р. Проктор полагает, что успехи нацистов в борьбе с раковыми заболеваниями не поддаются однозначной оценке. Им так и не удалось статистически достоверно доказать ни наследственную, ни тем более расовую предрасположенность к раку. Данные о влиянии географических, этнографических и социальных различий в распространенности раковых заболеваний также не дали однозначного ответа на вопрос, являются ли состояние внешней среды и образ жизни определяющими факторами их возникновения. Оказалось, что крестьяне, живущие в незагрязненной среде и потребляющие здоровую пищу, умирали от рака не реже, чем их городские родственники. Просто их смерть реже диагностировалась как последствие рака из-за отсутствия профилактических осмотров и низкой квалификации сельских врачей.

Удивительно, но нацисты не только не добились существенных успехов в своих антиканцерогенных кампаниях, а напротив, достигли прямо противоположных результатов, по существу потерпели поражение. Это наглядно показано Проктором на примерах антиалкогольной и антиникотиновой кампаний. Оказалось, что производство алкоголя, существенно снизившееся в кризисные годы в Веймарской республике, за пять лет правления Гитлера резко возросло: крепких напитков — в 2 раза, вин — на 80%, в 6,5 раз увеличилось потребление шампанского. Несмотря на яростную агитацию против табака, его потребление росло до 1940 г., резко сократилось во время войны и к концу 1950-х гг. вернулось к довоенным показателям. Тем самым результаты антиалкогольной и антиникотиновой кам-

паний нацистов определялись не столько медицинскими или идеологическими, сколько экономическими факторами. Нацисты стремились сократить потребление алкоголя и табака, так как на закупку их за рубежом тратились значительные средства, не говоря о негативном влиянии алкоголизма и курения на производительность труда. Население же сокращало потребление алкогольных напитков и табака только тогда, когда они становились дефицитными или слишком дорогими. Проктор считает, что неудачи этих кампаний можно трактовать и как проявление пассивного сопротивления нацистам.

Провалились однако не только кампании против курения и алкоголя. По словам Проктора, другие, на первый взгляд самые гуманные «гитлеровские программы здоровья», например «за здоровую пищу», обернулись преступлениями против 80 миллионов немцев, против всей мировой цивилизации» (р. 171). Детская смертность в Германии была на 40% выше, чем в Голландии. Существенно увеличилось распространение многих болезней, в том числе рахита и дизентерии. Связь резкого ухудшения здоровья нации с реализацией программ по рационализа-

ции питания очевидна, поскольку последние привели к сокращению разнообразия пищи и уменьшению содержания в ней белков, жиров и углеводов, прежде всего за счет снижения доли мяса, масла и сахара. Видимо, не случайно реализация программы рационального питания началась 28 августа 1939 г., за несколько дней до Второй мировой войны. Однако не существует данных о том, чтобы подобная «рационализация» питания привела к какому-либо снижению числа раковых заболеваний.

Значение рецензируемой книги выходит далеко за пределы истории науки. Она не только освещает новые аспекты традиционных проблем отношений науки и власти, науки и этики, науки и общества при тоталитарных режимах, но и позволяет прояснить некоторые дополнительные факторы популярности нацистского режима в предвоенной Германии. Книга базируется на большом архивном и литературном материале, снабжена обширной библиографией и прекрасно иллюстрирована копиями плакатов, выпущенных медиками в ходе многочисленных, но, увы, бесплодных антиканцерогенных кампаний.

Э. И. Колчинский (Санкт-Петербург)

Peter Hoffmann. Anton Friedrich Busching (1724-1793): Ein Leben im Zeitalter der Aufklärung. Berlin: Berlin Verlag Arno Spitz GmbH, 2000. – 322 S. – Aufklärung und Europa: Schriftenreihe des Forschungszentrums Europäische Aufklärung e.V.

Антон Фридрих Бюшинг (1724–1793) — выдающийся географ и педагог, историк и теолог XVIII в., внесший значительный вклад в развитие школьного дела, способствовавший распространению знаний о России в просвещенном мире, — и по сей день остается фигурой, не оцененной по заслугам, в том числе и здесь, в стране, где он провел самые плодотворные годы своей жизни. Исправить положение призвана вышедшая в Германии из под пера Петера Хоффмана первая научная биография этого заметного представителя эпохи Просвещения. Книга выпущена в серии «Просвещение и Европа», издаваемой Исследовательским центром европейского Просвещения в Потсдаме.

Перед автором стояла весьма сложная задача: в сравнительно компактной форме донести до читателя обширный материал о жизни и деятельности этого разностороннего человека. Удачным решением представляется поэтому деление книги на две части: первая посвящена биографии Бюшинга, во второй содержится систематическое изложение его многогранного творчества. П. Хоффман опирается на автобиографию Бюшинга [1], другие печатные источники, на сведения, по крупным рассеянным во множестве публикаций различных авторов, а также на результаты собственных разысканий. Хоффману удалось избежать излишней эмоциональности в оценках своего героя, обычной для